

Гольдин Павел Зиновьевич

ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЯ К ИСТОРИИ

В статье отмечены признаки подъема интереса к истории. Недостаточное знание истории объяснено образовательным уровнем. Проанализировано приближение к истории в обыденном знании, в практике современного кино. Отмечен феномен "Одноклассников". Критически рассмотрены тезисы, отрицающие потребность индивида в истории. Динамика интереса к истории объяснена изменениями структуры исторического и общественного сознания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/3-1/16.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 3 (17): в 2-х ч. Ч. I. С. 67-70. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 304.2

В статье отмечены признаки подъема интереса к истории. Недостаточное знание истории объяснено образовательным уровнем. Проанализировано приближение к истории в обыденном знании, в практике современного кино. Отмечен феномен «Одноклассников». Критически рассмотрены тезисы, отрицающие потребность индивида в истории. Динамика интереса к истории объяснена изменениями структуры исторического и общественного сознания.

Ключевые слова и фразы: интерес; потребность; история; время; знание; традиция.

Павел Зиновьевич Гольдин

*Проектно-изыскательское бюро «Стройтехпроект», г. Москва
grado-sreda@inbox.ru*

ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЯ К ИСТОРИИ©

В последние десятилетия наблюдается явный подъем общественного интереса к истории. Рассмотрим палитру признаков, свидетельствующих о положительной динамике явления (в данной статье не анализируется развитие научного историографического знания). Необходимо при этом отметить, что рефлексии по поводу времени, длительности, своего места в вечности всегда были одной из наиболее сложных проблем философии и шире — интеллектуальной мысли [1, с. 5–18].

Наиболее заметна материализация такого интереса во множестве публикаций и, особенно, в десятках экранизаций, охвативших обширные области исторического материала. Востребованность в авторских журналистских материалах, где обсуждаются проблемы истории, подтверждается высоким рейтингом тематических телепроектов и значительным тиражом ведущих СМИ. Интерес интернет-пользователей к истории фиксируется показателями посещаемости многочисленных форумов и блогов, где поднимаются вопросы, интерпретирующие острые исторические факты. Удерживается на высоком уровне востребованность в гуманитарных специальностях и рейтинг многих гуманитарных вузов. Достаточно стабилен в обществе интерес к посещению объектов культурного наследия, аккумулирующих исторические смыслы; при этом растет число и номенклатура охраняемых объектов. Показателен резонанс, вызванный деятельностью общественных движений в защиту наследия. Происходят качественные изменения в технике и методологии изучения исторических артефактов. Совершенствуется научная проработка методов актуализации и «подачи» историко-краеведческого материала, разработки методологии музейных сценариев и технологий. Показатели роста исторического самосознания в обществе можно продолжить еще не одним десятком примеров.

Однако при этом данные социологических опросов, результаты сдачи ЕГЭ, наблюдения ученых свидетельствуют о низком уровне знания истории, а нередко — о безразличии к ней. Согласно исследованию ВЦИОМ, лишь 2% взрослых россиян сдали бы сейчас ЕГЭ по истории на «отлично» [6]. Не проявляют интереса к этой теме 54% респондентов; среди них 36% опрошенных отмечают, что в школе (институте) интересовались отечественной историей, но теперь для этого нет желания и времени; а 18% к истории страны всегда были безразличны. При этом сейчас проявляют интерес к истории страны 39% россиян; в их числе только 7% читают книги по истории, смотрят исторические фильмы, посещают музеи; и треть опрошенных — 32% — интересуется время от времени. Другой опрос ВЦИОМ показал, что лишь около половины респондентов (47%) знают, что русской армией в Полтавской битве командовал Петр I [7]. Неверные ответы дали 14% отвечавших, а 28% вообще не представляют, кто руководил войсками в 1709 г.

Можно ли на основании приведенных данных делать вывод о том, что общество «отворачивается» от истории, а, следовательно, и от традиции? Колебания интереса к истории объективны, как и «пульсация» любых других социальных процессов, а переходная эпоха характеризуется сменой картины мира [13, с. 116–118]. Причина таких колебаний лежит в сложном переплетении экономических, демографических, гендерных и психологических проблем, присущих социуму в синхроническом срезе.

Анализ причин слабого знания истории как цельного гуманитарного продукта приводит к констатации запущенности общего образовательного уровня у целых пластов населения [2, с. 501]. Те же социологические наблюдения показывают, что те, кто плохо знает историю, также слабо осведомлены в математике, грамматике и географии. К сожалению, практически утеряна нужнейшая дидактическая роль формальной логики, а ведь именно средствами логики, а не простым запоминанием фактов, достигается полноценное освоение исторического материала на уровне понимания. По данным ВЦИОМ, чтение в России стало менее популярным: если в 1996 г. ежедневно читали книги 31% опрошенных, то в 2010 г. — только 22%. Большинство россиян (77%) редко берет в руки книгу [15]. Ускоренное распространение электронных устройств, позволяющих читать с экрана, в незначительной степени сегодня улучшает эту статистику.

Принципиального отказа от традиций в обществе не наблюдается, за исключением единичных нигилистических высказываний. Глубинная потребность ощущать себя в культурном времени устойчива, но проявляется не напрямую в знании исторических фактов, а в иных качествах. В структурном рейтинге содержания

школьной программы, по мнению родителей, история как учебная дисциплина входит в четверку наиболее полезных предметов, которые пригодятся в жизни [8]. *То есть, если не мы, то пусть наши дети знают историю.* Какова же при этом собственная позиция и линия поведения взрослых?

Дань истории Великой Отечественной войны наши соотечественники чаще всего отдают перед телеэкраном (85–89% россиян смотрит фильмы о войне), при этом споры на эту тему возникают у 18% посмотревших [12]. Не свойственно дискутировать тем, кому хорошо известны подробности жизни воевавших родственников (73%). Столь серьезные показатели (значительно больше, чем количество голосующих на всех уровнях государственных выборов) нуждаются в культурологическом осмыслении. Эти цифры свидетельствуют не только об интересе, но о потребности в сопричастности с историей. В наше время для многих людей посмотреть фильм о войне — означает соприкоснуться с глыбой трансцендентных дисциплинирующих переживаний. Объяснимы поэтому серьезные претензии зрителей к качеству военного кино.

В жанре исторического телесериала нашли друг друга ожидание массового зрителя и предложение «коллективного автора». Наиболее удачные сериалы стали предметом действительно искреннего интереса креативной съемочной команды к историческому материалу, что в сочетании с актерским талантом и техническим оснащением фильма дает качественные результаты. Массовому зрителю, как правило, интересны фильмы с участием известных актеров, с остро полемичной ролью главных персонажей в истории.

«Серию сериалов» Светланы Дружининой о романтике ярких событий российского высшего света XVIII столетия смотрит уже не первое поколение зрителей. Первый сериал 1980-х гг. о гардемаринах был явным кинематографическим «ответом» на отечественном авантюрно-историческом материале (если цель фильма была — показать, что *может собственных мушкетеров российская земля рождать*, то она была достигнута). Сегодняшнее обращение к событиям вокруг императриц Анны Иоанновны и Елизаветы можно объяснить уже ставшим достаточно «модным» интересом к блестящей эпохе российского барокко.

На примере фильмов С. Дружининой видна аксиология и праксиология смыслового поля исторических экранизаций. В чем ценность исторического кино, помимо эстетики экранного зрелища? Педагогический результат очевиден — в регулярных схватках добра со злом симпатии зрителя на стороне положительных героев, хотя историческая реальность зачастую намного сложнее. Для историографии ценной может быть актуализация научного поиска в экранизации, причем эффект здесь не только дидактичен; в кино может быть, к примеру, проработана определенная историческая гипотеза. Искусствоведению интересен структурный анализ фильма как произведения современного синтетического искусства; качественное кино — богатый материал для психологической компаративистики. Социологии важен резонанс в обществе, вызванный фильмом. Культурология же рассматривает десятки слоев в поле смыслового притяжения фильма; именно здесь может выявиться синхроническая и диахроническая соотнесенность фильма как культурного явления с культурным пространством и временем.

В кино из сегодняшнего дня мы смотрим в «окно» XVIII в. — это одна линия соприкосновения времен. Внимательный зритель понимает, что у киногероев было свое прошлое и есть планы на будущее, — вторая линия. Мы знаем, чем закончатся изображаемые события (а персонажи не могут знать своего будущего), — третья коллизия. При этом зритель сопереживает персонажу, то есть сопровождает его на каком-то отрезке жизни (тратя «напрасно» свое сегодняшнее время, отрываясь от срочных дел). Присутствует и внутреннее психологическое время зрителя — он взрослеет, стареет, и не может не вспоминать, как смотрел этот (или подобный) фильм впервые. Зрительское восприятие разительно меняется в течение жизни (уходит непосредственность, приходит жизненный опыт и мудрость), но с детства может оставаться определенный ценностный стержень. Соответственно, невольно происходит сопоставление своих взглядов на жизнь с картиной мира у персонажа. Планы из сегодняшнего дня на десятилетие вперед сравниваются с планами героя, например, XVIII в. на десятилетие вперед из своего «сегодня»: смысловое поле безгранично как для наблюдающего созерцания, так и для рефлексирующей логики.

Представляется принципиальным достаточно массовый экзаменуемый интерес зрителя к аутентичности экранизируемого материала. Зритель придирчиво всматривается в детали и выставляет счет создателям фильма: этот герой *неправильно* одет; оружие заряжали не совсем так, как показано на экране; чья-то шутка выглядит неправдоподобно — в то время не могли (или, по мнению зрителя, не должны были) шутить именно так и т.д. Подобные обсуждения во множестве выставляются на многочисленных интернет-форумах. Например, в продолжение кинодрамы «Утомленные солнцем» зрителями был найден не один десяток неточностей. Не углубляясь в конкретику обсуждений, отметим потребность в поиске аутентичности историческому материалу. В этом феномене актуализируется не только эстетические предпочтения, но и ожидание встречи с онтологической реальностью. По нашему мнению, историческое самосознание зрителя еще не осмыслено в искусствоведении и культурологии.

На наших глазах развернулся еще один новый феномен отношения людей к окружению и микроистории — виртуальный мир социальных сетей типа «Одноклассники». Появилась возможность найти «затерявшихся на жизненных тропинках» друзей и знакомых. Это — обращение человека к своему и общему прошлому, к своему прежнему внутреннему миру, длящемуся (по Анри Бергсону) и сегодня. Не вдаваясь в психологический и онтологический анализ феномена «Одноклассников», отметим массовую востребованность в темпоральных ощущениях, то есть, в личной сопричастности с историей (повторимся, пусть речь идет об истории лишь своего поколения и в рамках лично знакомого круга лиц и событий).

Компьютеризация и вхождение в сетевое сообщество дали возможность даже неискушенному пользователю проникать в сущность *текста* как языкового бытия и *изображения* как части видимой картины мира и — «редактировать» их. Соответственно, появилось ощущение: «я могу редактировать» все явления, описываемые текстом и картинкой. В этом — и новые перспективы, и новые опасения. Возвращение человека действующего, *актора*, в описания картины мира, по мнению некоторых современных исследователей, формирует новую парадигму общественных наук [11, с. 12–15]. Именно для человека действующего, который осмысленно проживает свою микроисторию, необходимо полноценное приобщение к знаниям и традиции.

В научных обсуждениях данной группы вопросов неоднократно высказывался тезис, что повышенный интерес к традиции активизируется в «переломные» эпохи, к которым относятся и последние два с половиной десятилетия. В ряде исследований этот факт объясняется настойчивым поиском общественной и личностной самоидентификации в связи с потерей привычных ориентиров [10]. Оправданно ли только такое изложение причинно-следственных связей в меняющейся системе исторического сознания; возможны ли другие точки зрения?

Как утверждается в ряде отечественных исследований, время глобализации и постмодернизма привело к детрадиционализации [14, с. 176]. «Долгосрочное» сознание переводится на «краткосрочное»; частично реализуется замысел мыслителей Просвещения изъять мир от традиций [9]. По мнению известного западного социолога Зигмунда Баумана, в состоянии «текущей современности» культура живет по законам моды, а ощущение преемственности событий исчезает [4, с. 178–190]. В этой связи вспоминается автор психологических бестселлеров первой половины XX в. Дейл Карнеги с его настоятельным советом «*жить в отсеке сегодняшнего дня*». Однако не стоит преувеличивать значение экзерсиса Карнеги — это был не кантовский императив, а всего лишь психотерапевтический прием опытного доктора, локально снимающего накопившийся стресс у обратившегося к нему нездорового клиента. Отметим, что глобалистские тезисы об окончании эры традиционности противостоят концепции Г. Гадамера, доказывавшего, что мы живем *внутри* традиции.

По наблюдениям и описаниям многих ученых, литераторов и художников, историческое сознание, имеющее собственную многокомпонентную структуру, сущностно присуще обществу [5]. Справедливо утверждать, что мы являемся свидетелями трех параллельных процессов, состояний или тенденций — утери связи с историей; роста потребности в приобщении к истории; стабильного ощущения себя во времени и культурной истории.

Рассмотрим всего лишь несколько основополагающих тенденций зависимости общественной жизни от осознания себя во времени. Потребность в знании прошлого и опора на прошлое в логических умозаключениях наблюдается у людей, вероятно, с бронзового века. Так, племенные вожди, а впоследствии монархические правители первых устойчивых обществ обосновывали легитимность своей власти именно ссылками на укорененность монархических правил во времени. Историческое знание (естественно, фрагментарное) и связанная с ним историческая мифология были необходимы в этих обществах. Средневековый социум нуждался в многочисленных теориях, легендах и утопиях, эксплуатировавших темпоральность жизни «города и мира» вглубь истории и вперед по линии времени. На трансляции знания об исторической преемственности поколений в семье и внутри сословия базировались и отношения местничества в нашей стране до конца XVII в. [3, с. 376–383]. Перечень подобных конструкций культуры можно продолжить множеством других примеров.

Обратившись к сегодняшнему обществу и бытию «человека понимающего», необходимо разделить феномен истории на категорию науки (или нарративных рефлексий) и категорию онтологической сущности прошедшего. При этом интерес к обеим сторонам истории варьируется в широком диапазоне от любопытства («а вот что еще, оказывается, было когда-то») до стремления определить систему логических и функциональных связей между явлениями. Внутреннее ощущение, что потребность в истории *необходима*, вживается воспитанием из поколения в поколение. Чрезвычайно ценно, если это — искреннее стремление человека, а не досадно выполняемый дидактический долг. Здесь мы вновь соприкасаемся с тонкой душевной организацией субъекта, и надо понимать, что социологические опросы, документирующая фиксация событий и личностных поступков, структурный анализ не способны дать точную объемную «рентгенограмму» множественных психологических рефлексий нашего современника. Вероятно, не науке, а только искусству по силам отображать эту картину.

Список литературы

1. **Гайденок П. П.** Время. Длительность. Вечность: проблема времени в европейской философии и науке. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 464 с.
2. **Ильин В. В.** Философия: учебник: в 2-х т. Ростов н/Д: Феникс, 2006. Т. 2. 784 с.
3. **Ключевский В. О.** История России: специальные курсы. М.: Эксмо, 2003. 479 с.
4. **Кравченко С. А.** Социологический постмодернизм: теоретические источники, концепции, словарь терминов: монография. М.: МГИМО, 2010. 397 с.
5. **Куликов Д. К.** Методологические вопросы изучения исторического сознания в культуре // *Фундаментальные проблемы культурологии*. М. – СПб., 2009. Т. VI. Культурное наследие: от прошлого – к будущему. С. 14–26.
6. **Лишь 2% взрослых россиян сдали бы ЕГЭ по истории на «отлично»** [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 783. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=8914> (дата обращения: 18.12.2011).
7. **Полтавская битва – 300 лет спустя** [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1264. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=12108> (дата обращения: 26.12.2011).
8. **Предметы школьной программы: что пригодится сегодняшним первоклашкам в реальной жизни?** [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1303. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=12362> (дата обращения: 26.12.2011).

9. Рыцарев К. В. Европейская культура рубежа тысячелетий и сохранение наследия // Архитектурное наследие на рубеже XX и XXI веков. М.: КРАСАНД, 2010. С. 42–57.
10. Селезнева Е. Н. Формирование новых культурных кодов и культурное наследие // Наследие в эпоху социокультурных трансформаций. М., 2010. С. 19–24.
11. Словарь историка / пер. с фр. Л. А. Пименовой. М.: РОССПЭН, 2011. 222 с.
12. «Утомленные солнцем-2»: послесловие [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1521. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=13599> (дата обращения: 26.12.2011).
13. Хренов Н. А. Культура в эпоху социального хаоса. М.: Едиториал УРСС, 2011. 448 с.
14. Шульгина Д. Н. Кризис культуры и идентичности человека в условиях глобализации // Вестник ВГУ. Серия «Философия». 2010. № 2. С. 173–180.
15. Электронные книги в нечитающем мире [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1584. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=13828> (дата обращения: 26.12.2011).

ATTITUDE TO HISTORY DYNAMICS

Pavel Zinov'evich Gol'din

Design and Survey Bureau “Stroytekhproekt” in Moscow
grado-sreda@inbox.ru

The author determines the attributes of the increase in interest to history, explains the lack of history knowledge by educational level, analyzes the approach to history in everyday knowledge and in modern cinema practice, singles out the phenomenon of “Odnoklassniki”, critically reveals the theses denying an individual’s demand in history, and substantiates the dynamics of the interest to history by historical and social consciousness structure changes.

Key words and phrases: interest; demand; history; time; knowledge; tradition.

УДК 7.034.7

В статье анализируются картины голландского художника XVII в. Яна Вермера Делфтского с изображением научных атрибутов, рассматривается проблема взаимосвязи живописи и естествознания в культуре Голландии, детально исследуются географические карты, использованные Вермером при создании произведений. Автор привлекает широкий круг источников из области картографии, ряд которых впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова и фразы: Ян Вермер Делфтский; голландская живопись XVII в.; бытовой жанр; естествознание; география; картография.

Анна Алексеевна Дмитриева, канд. искусствоведения, доцент
Кафедра истории западноевропейского искусства
Санкт-Петербургский государственный университет
annadmi@mail.ru

ИЗОБРАЖЕНИЕ НАУЧНЫХ АТРИБУТОВ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ КАРТ В ЖИВОПИСИ ЯНА ВЕРМЕРА ДЕЛФТСКОГО©

XVII столетие считается временем расцвета голландского искусства. В 1620-х годах произошло окончательное разделение живописи на самостоятельные жанры, среди которых, наряду с натюрмортом и пейзажем, ведущие позиции занял бытовой жанр. Одним из центров развития голландской живописи являлся Делфт, где к середине XVII в. сформировалась уникальная художественная школа с присущим ей тематическим и стилевым своеобразием. Ее главным представителем был Ян Вермер Делфтский (1632–1675 гг.), черпавший вдохновение в мотивах повседневной жизни и обогативший голландскую живопись смелыми композиционными замыслами. Созданные им образы лишены сложной атрибутики, а в картинах можно найти вариации одних и тех же эпизодов (женщины за чтением писем и исполнением музыки, ученые в окружении научного инструментария), однако каждое его произведение таит в себе богатство смысловых и колористических нюансов.

Творчество Яна Вермера совпало по времени с целым рядом достижений в развитии естественнонаучного знания. Успехи математики, астрономии и географии XVII в. расширили представления о мире как о безграничном, изменчивом и противоречивом единстве. Так, в 1647 г. польский астроном Ян Гевелий составил первую подробную карту Луны. Настоящим прорывом в развитии научной мысли стало издание в 1608 г. «Большого атласа земли, моря и неба» голландского картографа Яна Блау. Он включал более 600 цветных карт с изображением всех изученных стран мира, планы с астрономическими наблюдениями